

Левый консерватизм в России: истоки и актуальность

Left conservatism in Russia: origins and relevance

DOI: 10.12737/2587-6295-2026-10-1-119-130

УДК 329.11

Получено: 22.01.2026

Одобрено: 24.02.2026

Опубликовано: 25.03.2026

Ишутин А.А.

Канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры Фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, НОЧУ ВО «Московский университет «Синергия»», г. Москва
e-mail: a_ishutin@inbox.ru

Ishutin A.A.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Fundamental Legal and Social-Humanitarian Sciences, Moscow University «Synergy», Moscow
e-mail: a_ishutin@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматривается такая парадоксальная политическая позиция, как левый консерватизм. *Цель* исследования — выявить сущность, исторические корни и актуальность феномена левого консерватизма в российском идейно-политическом пространстве. В качестве *методологической основы* используются **историко-генетический метод**, который направлен на выявление происхождения и этапов развития идей левого консерватизма, и сравнительно-сопоставительный метод, который является одним из ключевых инструментов для выявления специфики и эволюции феномена левого консерватизма в России. Автор считает, что в России истоки этого явления можно найти в XIX–XX вв. Во-первых, речь идёт о философии славянофилов, для которых моделью социальной справедливости была крестьянская община, а самодержавие воспринималось как гарантия социальной гармонии. Во-вторых, уместно вспомнить мировоззрение народников с их верой в крестьянскую общину как основу будущего справедливого строя и консервативной идеализацией «почвы». В-третьих, речь идёт о сменовеховстве — течении, сторонники которого призывали признать советскую власть и найти «третий путь» для России в новых исторических условиях. В-четвёртых, важно вспомнить про евразийство 1920–1930-х годов, в рамках которого одновременно имел место и консервативный протест против западного либерализма и глобализма, и левый протест против социального неравенства. *Теоретическая значимость* статьи — в том, что автор демонстрирует ограниченность традиционной линейной шкалы «левый-правый». *Практическая значимость* заключается в том, что, раскрывая механизмы сочетания запроса на социальную справедливость с ценностями традиции и державности, она помогает понять причины устойчивости определённых общественных настроений в России. Автор статьи приходит к *выводу*, что в современной России ключевые элементы идеологии левого консерватизма являются доминирующей рамкой для большинства значимых политических сил, а в мировом масштабе данная идеологическая позиция — это реакция на раскол, который создала неолиберальная «повестка», возобладавшая с конца XX в.

Ключевые слова: левый консерватизм, славянофилы, народники, община, евразийство, сменовеховство, глобализм, антиглобализм.

Abstract

The article examines such a paradoxical political position as left-wing conservatism. The purpose of the study is to identify the essence, historical roots and relevance of the phenomenon of left—wing conservatism in the Russian ideological and political space. As a methodological basis, the historical and genetic method is used, which is aimed at identifying the origin and stages of the development of ideas of left conservatism, and the comparative method, which is one of the key tools for identifying the specifics and evolution of the phenomenon of left conservatism in Russia. The author believes that in Russia the origins of this phenomenon can be found in the XIX–XX centuries. First, we are talking about the philosophy of the Slavophiles, for whom the peasant community was the model of social justice, and autocracy was perceived as a guarantee of social harmony. Secondly, it is appropriate to recall the worldview of the Narodniks with their faith in the peasant community as the basis of a future just system and the conservative idealization of the "soil." Thirdly, we are talking about Smenovekhovstvo, a trend whose supporters called for recognizing Soviet power and finding a "third way" for Russia in the new historical conditions. Fourthly, it is important to recall the Eurasianism of the 1920s and 1930s, in which there was simultaneously a conservative protest against Western liberalism and globalism, and a leftist protest against social inequality. The theoretical significance of the article lies in the fact that the author demonstrates the limitations of the traditional linear scale "left-right". Its practical significance lies in the fact that, by revealing the mechanisms of combining the demand for social justice with the values of tradition and statehood, it helps to understand the reasons for the stability of certain public attitudes in Russia. The author of the article concludes that in modern Russia, the key elements of the ideology of left—wing conservatism are the dominant framework for most significant political forces, and on a global scale, this ideological position is a reaction to the split created by the neoliberal "wokism" that has prevailed since the end of the 20th century.

Keywords: left-wing conservatism, Slavophiles, Narodniks, commune, Eurasianism, Change of Landmarks, globalism, anti-globalism.

Введение

В политическом лексиконе понятие «левый консерватизм» кажется на первый взгляд оксюмороном, внутренним противоречием. Левые традиционно ассоциируются с прогрессом, социальными изменениями, равенством и секуляризмом, в то время как консерваторы — с правыми, отстаивающими традиционные устои, державность, иерархию, стабильность и часто религиозные ценности [3, с. 3–4]. Однако на стыке этих, казалось бы, взаимоисключающих идеологий существует сложное и многогранное явление, которое не только имеет глубокие исторические корни, но и обретает новое звучание в XXI в.

Левый консерватизм — это пока ещё не стройная доктрина, а скорее политическая позиция, для которой характерно сочетание левой экономической программы с консервативной социокультурной повесткой. В сфере экономики его сторонники выступают за сильное государство, социальное обеспечение, перераспределение богатств, защиту прав трудящихся, национализацию ключевых отраслей и ограничение рыночного фундаментализма. В этом их родство с классическими социалистами и социал-демократами.

В социально-культурной сфере его сторонники выступают за сохранение традиционных ценностей, национальной идентичности, семьи, религии. Для них характерно негативное отношение к либеральному глобализму, мультикультурализму и некоторым аспектам гендерной и сексуальной революции. В этом их сближение с классическими консерваторами. Таким образом, левый консерватизм отвергает как «дикий» капитализм, так и «размывающий» устои либерализм.

Цель статьи — выявить сущность, исторические корни и актуальность феномена левого консерватизма в российском идейно-политическом пространстве.

Исследование левого консерватизма в России актуально, так как это ключ к пониманию доминирующего идеологического тренда нашей страны, её внутренней политики, социальных настроений и внешнеполитической риторики.

Обзор научной литературы

В России активное осмысление феномена левого консерватизма началось в постсоветскую эпоху. Следует отметить коллективную монографию Александра Тарасова, Глеба Черкасова и Татьяны Шавшуковой «Левые в России: от умеренных до экстремистов» [15]. Авторы детально анализируют радикальные группы «красно-коричневого» спектра (пропагандистский штамп 90-х гг.), в идеологии которых революционный социализм сочетался с ультранационализмом, имперством и даже эстетизацией агрессии. В частности, они рассматривают Национал-большевистскую партию Эдуарда Лимонова (позже запрещённую), но также не проходят мимо более умеренных вариантов «лево-правого» синтеза в новейшей истории России. Эту монографию можно считать важной для понимания феномена левого консерватизма.

Необходимо упомянуть фундаментальную работу Сергея Кара-Мурзы «Советская цивилизация» (2001) [7]. Хотя сам автор не идентифицирует себя как «левый консерватор», его масштабный труд по защите советского проекта как уникальной, органичной для России цивилизации, основанной на принципах социальной справедливости и державности, стал интеллектуальным фундаментом для этого течения. Данную работу можно рассматривать как важнейший текст левоконсервативного «канона».

Отдельно следует выделить французского историка, социолога и политолога Марлен Ларюэль, которая выпустила сборник «Русский национализм: Социальный и культурный контекст» [12]. В этом сборнике ряд статей прямо посвящён анализу «лево-правых» идеологических синтезов в современной России, в нём рассматриваются и официальная идеология, и оппозиционные движения. В своих работах М. Ларюэль анализирует евразийство и другие течения как форму консервативного поворота, который заимствует у левых антизападничество и антикапитализм, а у правых — традиционализм и этатизм.

Следует отметить работы Дмитрия Травина, который довольно критично воспринимает разные варианты «уникального развития» России. Тем не менее, отметим монографию «Теории особого пути России: классики и современники», в которой автор обозначает феномен «левого консерватизма» как важную идеологическую тенденцию нашей страны [16].

Невозможно обойти труды философа и политолога Александра Дугина — одного из основателей неоевразийства в России. Для него левый консерватизм — это стратегический синтез, преодолевающий исторический разрыв между «левыми» (защищающими социальную справедливость, коллективное начало) и «правыми» (отстаивающими иерархию, традицию, суверенитет). Он видит в этом синтезе жизнеспособный ответ на тотальную гегемонию либерального капитализма, который, по его мнению, уничтожает как социальную солидарность (левая ценность), так и культурную идентичность (консервативная ценность).

В политической теории А.Г. Дугина **нет места для социализма как самостоятельной и целостной идеологии**. Однако в ней есть значительное пространство для **социалистических форм, полностью переосмысленных в рамках традиционалистской, евразийской и национал-большевистской парадигмы**. Это социализм без материализма, прогрессизма, интернационализма и диктатуры пролетариата, но с иерархией ценностей и тотальной мобилизацией народа (Dasein) во имя альтернативного, сакрального будущего. Такая позиция наиболее полно отражена в книге А.Г. Дугина «Четвёртая политическая теория» [4]. Таким образом, социальный пафос для политолога не цель, а инструмент мобилизации народа (как «большой общины») против глобального либерального проекта.

Отдельно следует выделить труды политолога, философа, театрального режиссёра, лидера движения «Суть времени» Сергея Кургиняна. Для него левый консерватизм — это, прежде всего, историческая мобилизационная политика. Если неолиберализм ведёт к «концу истории», то есть к деградации и гибели человечества, то задача — остановить это движение, используя все доступные ресурсы. Традиция, патриотизм, религия, семья — это не только ценности сами по себе, но мобилизационные резервы, которые необходимо задействовать для достижения высшей цели: спасения человечества через возрождение проекта социальной

справедливости и развития, каковым он считает советский социализм в его идеальном, нереализованном виде.

Левый консерватизм для С.Е. Кургиняна — это не компромисс, а понимание того, что сегодня нельзя быть левым, не будучи консерватором. Ибо защищать надо и социальные завоевания (левое), и базовые устои бытия (консервативное) от одного и того же врага — постмодернистского разложения «конца истории». Поэтому соединение Красного проекта с религией в идеологическом поле вполне допустимо. Этим темам посвящён курс лекций С.Е. Кургиняна, которые были оформлены в виде книги «Суть времени: Философское обоснование мессианских претензий России в XXI веке» [9].

В контексте левого консерватизма также нельзя не вспомнить Александра Проханова — писателя, публициста и главного редактора газеты «День» и «Завтра». Несмотря на то, что его труды нельзя считать строго академическими, с начала 1990-х он представляет в российском политическом поле, пожалуй, наиболее насыщенную с художественной точки зрения версию левого консерватизма. Именно газеты А.А. Проханова стали точкой сборки правых и левых публицистов. Его позиция — это не строгая политическая доктрина, а эпическое, мессианское видение, где левые и консервативные мотивы сплетаются в единое почти сакральное учение.

Для А.А. Проханова левый консерватизм — это синоним «русского чуда», вечного бунта духа против мещанского мира. Это идеология победы, понятая не в утилитарном, а в метафизическом ключе. Его консерватизм обращён не к бытовой традиции, а к архетипическим, «почвенным» основам русской цивилизации: соборности, жертвенности, державности. Его же «левизна» — это не марксистский классовый анализ, а вера в спасительную миссию советской империи как высшего выражения этого духа. Данная позиция наиболее полно была отражена в программном труде А.А. Проханова «Симфония Пятой империи» [11].

Михаил Хазин, известный российский экономист и публицист, предлагает версию левого консерватизма, фундаментально отличающуюся от философско-политических построений А.Г. Дугина или С.Е. Кургиняна. Его подход можно охарактеризовать как «экономико-технократический левый консерватизм», где идеология выводится не из духовных или историсофских предпосылок, а из анализа объективных экономических закономерностей и кризиса капиталистической системы. В основе мировоззрения Хазина лежит теория долгосрочных экономических циклов и тезис об исчерпании модели экономического роста. Он утверждает, что мир вступил в фазу структурного кризиса капитализма, когда дальнейшее расширение невозможно, а значит, невозможен и рост, на котором держатся либеральная демократия и общество потребления.

Для М.Л. Хазина левоконсервативная идеология — не утопический идеал, а прагматическая и неизбежная модель управления в условиях сжатия «экономического пирога». Он синтезирует «левое» (с социально-экономической точки зрения) и «консервативное» (с политико-идеологической точки зрения). «Левое» для Михаила Хазина — это необходимость сильного государственного регулирования, протекционизма, национализации стратегических отраслей и гарантий социальной стабильности для широких слоев населения. В условиях отсутствия роста только мощное перераспределительное государство может предотвратить социальный взрыв. Это не идеология справедливости, а своего рода технология выживания общества. В существенной степени тема раскрыта в труде М.Л. Хазина «Воспоминание о будущем. Идеи современной экономики» [20].

Методы

Для решения поставленных задач и комплексного анализа феномена левого консерватизма в России данное исследование опирается на междисциплинарную методологическую базу, сочетающую политологические, исторические и философские подходы. Основными методами являются:

1. Историко-генетический метод. Этот метод направлен на выявление происхождения и этапов развития идей левого консерватизма в их последовательной связи и исторической

обусловленности. С его помощью можно проследить истоки данного феномена: от идей **славянофилов** и **народников** XIX в. (критика западного капитализма при опоре на общинные, «почвенные» ценности) через сменовеховцев и **евразийцев** 1920–30-х годов (синтез имперской державности с социальным пафосом революции) к современным идеологам. Данный метод позволил не просто перечислить предшественников, но и показать, как в разные исторические эпохи воспроизводится и трансформируется базовый архетип — защита социальной справедливости и коллективной идентичности через консервацию традиционных укладов и сильное государство.

2. Сравнительно-сопоставительный метод, который применяется системно и является одним из ключевых инструментов для выявления специфики и эволюции феномена левого консерватизма в России. Метод предполагает сопоставление различных проявлений данного идейного течения в разные периоды и в разных контекстах для выявления специфики, общих черт и закономерностей. С одной стороны, используется синхронное сравнение, т.е. сравнение внутри одного исторического периода (например, сопоставление славянофилов и народников в рамках XIX в.). Также используется диахронное сравнение, т.е. сравнение между эпохами. Цель такого сопоставления — проследить преемственность, трансформацию и развитие базовых идей во времени, выявить константы и специфику в понимании данной идеологической позиции в контексте разных эпох. Важно продемонстрировать актуальность и многогранность феномена сегодня, а значит, важно сравнить интерпретации и акценты современных идеологов.

Результаты анализа

Левый консерватизм в мировоззрении славянофилов

В России истоки этого явления можно найти в XIX в., когда стремительное внедрение буржуазности вызывало сопротивление и справа, и слева. Так, русские славянофилы (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин) критиковали западный капитализм и парламентаризм как чуждые, бездушные явления, противопоставляя им идеал общинной, соборной жизни, основанной на православии и традиционных ценностях. Эта критика Запада с позиций традиционного общества имела явные левоконсервативные черты. Славянофилы предложили уникальный синтез, который можно выразить формулой: **критика западного капитализма и либерализма, но при этом идеализация традиционных, допетровских русских социальных институтов, а также защита общинного коллективизма.**

Славянофилы видели в Западной Европе общество, основанное на «рассудочности», эгоистическом индивидуализме и бездушном юридическом формализме, и утверждали, что западный «механистичный» либерализм разрывает органические социальные связи, превращая людей в изолированные атомы, конкурирующие друг с другом [8, с. 280]. Здесь даже можно разглядеть некую параллель с левой критикой отчуждения при капитализме.

Моделью социальной справедливости была для славянофилов крестьянская община (мир): в ней отсутствовала частная собственность на землю, решения принимались коллективно (мирской сход), царили отношения взаимопомощи (круговая порука). Это была модель коллективистского общества, альтернативная западному капитализму. При этом община была не революционным изобретением, а исконным, традиционным устоем русской жизни, освященным веками [8, с. 279]. Она воплощала в себе принцип соборности и противостояла индивидуализму.

Самодержавие воспринималось славянофилами как гарантия социальной гармонии. С одной стороны, царь — это «отец народа», помазанник Божий, стоящий над классовыми и партийными интересами (это консервативный аспект). С другой стороны, поскольку царь находится над эгоистическими интересами аристократии и зарождающейся буржуазии, он, согласно славянофилам, является гарантом социальной справедливости и защитником простого народа (а это уже левый аспект). Он не позволяет «сильным мира сего» угнетать «землю».

Идеал отношений между народом и властью славянофилы сформулировали так: «Сила власти — Царю, сила мнения — Народу». То есть народу предоставляется свобода внутренней, духовной и общественной жизни, а государь управляет, не вмешиваясь в эту сферу. Это модель патерналистского, социального государства. И другой данная модель быть не может, так как община — это «нравственный образ человечества», реализованный русскими и предчувствуемый другими народами [1, с. 195]. Наивысший же образ общины — это церковь, которая «объемлет всё человечество и полагает своё средоточие в Боге» [1, с. 261].

Важно отметить, что славянофилы были не просто «охранителями». Их консерватизм был временами оппозиционным: они критиковали действующую бюрократическую систему петербургской Империи с позиций более древнего, «подлинного», старомосковского консерватизма. Славянофилы выступали за отмену крепостного права, но мотивировали это не только экономическими интересами, но, в первую очередь, необходимостью восстановить исконные, патриархальные отношения между сословиями, нарушенные крепостничеством. Русские славянофилы могут быть по праву названы архитекторами левоконсервативной идеологии в её русском, почвенническом варианте.

Левый консерватизм в мировоззрении народников

В несколько специфическом варианте левоконсервативные мотивы присутствовали и в мировоззрении народников. Народничество с его верой в крестьянскую общину как основу будущего справедливого строя также сочетало социалистический идеал с вполне консервативной идеализацией «почвы». Их мировоззрение представляло собой мощный и противоречивый синтез радикального социального протеста и при этом глубокой веры в традиционные, архаичные устои русской жизни.

Народники были убеждёнными противниками того пути развития, по которому пошла Западная Европа. Они видели в капитализме абсолютное зло, ведущее к эксплуатации, обнищанию масс, разложению общества и духовной деградации. Их критика была не менее острой, чем у марксистов, но имела иную природу: они осуждали капитализм не столько с научно-экономических, сколько с нравственно-этических позиций. Народники стремились к обществу, основанному на равенстве и коллективной собственности. Их целью был своеобразный «крестьянский социализм»

Сердцем народнической идеологии была вера в русскую крестьянскую общину. Они рассматривали её как готовый, существующий столетиями прообраз социалистического общества. Общинное землевладение, круговая порука, коллективное принятие решений на сходе — всё это воспринималось как исконно русская, традиционная форма жизни, которую нужно не создать, а лишь освободить от гнёта.

Народники по-своему верили в особый путь России. Они были убеждены, что Россия, благодаря общине, может и должна миновать мучительную стадию капитализма и сразу перейти к социализму. Эта идея, сформулированная ещё А.И. Герценом, прямо противопоставляла Западу «неиспорченный» русский народ, хранящий в себе зародыш будущего справедливого строя [2, с. 109, 111].

Также народники идеализировали крестьянство, но не как революционный класс в марксистском понимании, а как хранителя национальной души, традиционной морали и правды. Их знаменитое «хождение в народ» было попыткой поначалу не столько поднять бунт, сколько разбудить эту исконную правду, научиться у мужика и слиться с ним. Это был вполне почвеннический мотив. Классические марксисты (например, Г.В. Плеханов) критиковали народников именно за их специфический «консерватизм и даже реакционность» [10, с. 388] — за веру в архаичную общину и отрицание объективного, прогрессивного (с марксистской точки зрения) характера развития капитализма [10, с. 242, 269].

Если же сравнивать мировоззрение славянофилов и народников, то следует сделать акцент на том, что славянофилы были именно религиозными консерваторами, выступавшими против революции; народники же придерживались секуляризма. Их объединяла вера в общину

и особый путь России, но народники отбросили лояльность монархии и придали социалистическому идеалу революционное содержание, на определённом этапе максимально радикальное.

Сменовеховство как проявление левого консерватизма

В истории русской мысли послереволюционного периода движение сменовеховства занимает особое, парадоксальное место. Возникшее в среде эмиграции в начале 1920-х годов, оно стало мощным идейным течением, сторонники которого призывали признать советскую власть и сотрудничать с ней. Анализ их платформы сквозь призму левого консерватизма — идеологии, синтезирующей социально-экономический этатизм с традиционными ценностями и державностью, — позволяет увидеть в сменовеховстве не политическую капитуляцию, а осознанную попытку найти «третий путь» для России в новых исторических условиях.

Суть сменовеховства — национальное примирение через признание новой реальности. Идейными лидерами движения стали Николай Устрялов, Юрий Ключников и другие авторы сборника «Смена вех» [14]. Их доктрина зиждилась на нескольких ключевых тезисах. Они рассматривали революцию как национальную катастрофу, породившую национальное возрождение. Сменовеховцы признавали ужас Гражданской войны, но утверждали, что в её горниле большевики, сами того не желая, стали воссоздавать российское государство.

Они отмечали, что советская власть эволюционирует от идеи мировой революции к построению сильного государства в границах исторической России. Политика военного коммунизма сменилась НЭПом, что свидетельствовало о возврате к здоровой государственной прагматике. Главным для сменовеховцев был лозунг «Россия единая и великая». Они считали, что долг каждого патриота — не бороться с режимом, ослабляя страну, а помочь ему, внося в него национально-государственное содержание.

Сменовеховцы принимали новый строй как данность и видели в его левой социально-экономической основе мощный потенциал. Их привлекала способность большевистского государства мобилизовать ресурсы, централизовать управление и отстаивать суверенитет (в том числе экономический) перед лицом враждебного внешнего мира. Сильное государство, пусть и под красным флагом, было для них предпочтительнее слабой либеральной республики.

Именно здесь проявляется подлинно консервативная суть движения. Сменовеховцы стремились наполнить левую форму национальным содержанием, идеей державности. Для них СССР был не «пролетарским отечеством», а новой формой Российской империи. Они приветствовали восстановление границ, создание Красной армии и растущий авторитет Москвы на международной арене. Они верили, что «стихия русской жизни», национальный характер и исторические традиции в конечном счете перевалят коммунистическую доктрину. Большевизм, по их мнению, был лишь суровой и временной оболочкой, в которой вызревало новое национальное государство.

Квинтэссенцией левого консерватизма в сменовеховстве стал национал-большевизм Н.В. Устрялова. Мыслитель открыто провозгласил, что в результате большевистской революции происходит революция национальная. Он утверждал, что, укрепляя советскую власть, большевики объективно работают на укрепление России. Он предсказывал, что красный флаг постепенно «побледнеет», а под ним проступит исторический лик великой национальной державы. Для Н.В. Устрялова, В.И. Ленин и И.В. Сталин были прямыми наследниками Ивана Грозного и Петра Великого — жёсткими, но эффективными государственниками, восстанавливающими единство и мощь страны революционными методами [19, с. 334–335].

Таким образом, сменовеховцы соглашались на советскую, социалистическую экономику (левый компонент) как на инструмент для достижения консервативной цели — возрождения сильного, единого и суверенного национального государства. Сменовеховство стало идейным мостом, по которому часть старой интеллигенции («спецы») и некоторые военные вернулись

на службу СССР. В каком-то смысле оно подготовило почву для последующего «великодержавного» поворота сталинского режима в 1930-е годы.

Евразийство 1920-1930-х годов как проявление левого консерватизма

В интеллектуальной истории русской эмиграции евразийство занимает особое место как одна из самых оригинальных и противоречивых идеологических систем. Возникшее в 1920-е годы в среде молодых философов, историков и географов, оно предложило радикально новое осмысление места России в мире. Пристальный анализ евразийской доктрины позволяет выявить в ней все характерные черты левого консерватизма.

Евразийство оформилось вокруг сборника 1921 г. «Исход к Востоку» [5], авторами которого стали Николай Трубецкой, Петр Савицкий, Георгий Вернадский и другие. Исходным пунктом их теории был тезис о том, что Россия — это не часть Европы, а особая цивилизация, «Евразия», срединный материк со своей уникальной культурой и исторической судьбой. Поражение в Гражданской войне и изгнание они интерпретировали не как крах России, а как крах её европейской, петровской имперской модели, открывающий путь к подлинному, евразийскому возрождению.

Евразийцы выступили с последовательной критикой западноевропейской цивилизации, что и стало ядром их консервативного мировоззрения. Они утверждали, что Европа исчерпала себя, погрязнув в бездушном рационализме, мещанском индивидуализме и правовом формализме. Князь Н.С. Трубецкой в работе «Европа и человечество» доказывал, что европоцентризм является формой культурного колониализма, навязывающего всем народам чуждые им ценности [17].

Евразийцы видели в православии не просто религию, а основу «симфонической личности» — коллективного, соборного сознания, присущего народам Евразии. В отличие от католического рационализма и протестантского индивидуализма, православие понималось как религия целостного духа и общинности. В противовес западной демократии, основанной на механическом подсчёте голосов, евразийцы предлагали модель «идеократии» — власти отобранного слоя людей, объединённых общей идеей-правительницей. Этот правящий слой должен был руководствоваться не личными интересами, а служением высшей цели — сохранению и развитию евразийской цивилизации.

Парадоксальным образом консервативная критика Запада сочеталась у евразийцев с принятием ключевых элементов левой, социалистической программы. Евразийцы считали, что большевики, сами того не ведая, выполнили историческую миссию — разрушили прогнившую европеизированную государственность и восстановили единое евразийское государство. Пётр Савицкий писал, что на месте «России-Европы» возникает «Россия-Евразия», и в этом глубокий положительный смысл [13, с. 2].

Они выступали за мощное государство, которое должно управлять экономикой в национальных интересах. Частная собственность, по их мнению, не является абсолютной ценностью и должна быть подчинена задачам общего блага. Эта идея прямо перекликалась с советской плановой экономикой, которую они воспринимали как необходимую форму мобилизации ресурсов огромной страны. Евразийцы разделяли левый пафос критики «буржуазности», «торгашеского духа» и капиталистической эксплуатации. Их идеалом было автаркическое, самодостаточное хозяйство Евразии, свободное от диктата мирового капиталистического рынка.

Левый консерватизм евразийства проявился в попытке создать целостный идеологический проект, примиряющий, казалось бы, непримиримое. Они видели в Советском Союзе неосуществленную, но потенциально верную евразийскую государственность. Задача заключалась в том, чтобы «снять» коммунистическую, марксистскую оболочку и наполнить советскую форму евразийским, национально-религиозным содержанием. По словам Н.С. Трубецкого, «когда для созидания новой национальной культуры понадобятся новые люди, такие люди найдутся именно в тех слоях, которые большевизм случайно поднял на поверхность русской жизни» [18, с. 81].

К концу 1930-х годов евразийство как единое движение распалось, не выдержав внутренних противоречий и внешнего давления. Однако его идейное наследие оказалось чрезвычайно живучим. Евразийство 1920–1930-х годов стало одним из самых изощрённых и интеллектуально насыщенных проявлений левого консерватизма. Оно предложило модель, в которой одновременно был консервативный протест против западного либерализма и глобализма, но и вполне левый протест против капиталистической эксплуатации и социального неравенства. Этот синтез нашёл своё разрешение в идее уникальной цивилизации, основанной на сильном государстве, традиционных ценностях и социальной солидарности.

Выводы

В XX в. левоконсервативные идеи неоднократно проявят себя в истории России. Здесь можно вспомнить и **возврат к державности и имперскому нарративу в период правления И.В. Сталина, и «диссидентов-почвенников» в СССР, и оппозиционный красно-белый синтез 90-х годов. Однако это уже требует отдельного исследования.**

В современной России идеология левого консерватизма не представлена цельно в виде единой, оформленной партийной доктрины, но её ключевые элементы — социально ориентированная экономика (левый компонент) плюс традиционные ценности, державность и патриотизм (консервативный компонент) — являются доминирующей рамкой для большинства значимых политических сил, включая парламентские партии. Это то, что часто называют «государственным консенсусом» или «официальной народностью» XXI в.

Целенаправленно левый консерватизм в разных версиях продвигают уже упомянутые выше интеллектуалы-публицисты Александр Дугин, Сергей Кургинян, Александр Проханов и Михаил Хазин, а также Андрей Фурсов, Сергей Глазьев и т.д. Концентрированным воплощением данной идеологической позиции можно считать «Изборский клуб», в работе которого принимали и принимают участие представители высших государственных органов (например, Владимир Мединский в бытность министром культуры), журналисты официальных СМИ (например, Михаил Леонтьев), а также и представители системной оппозиции (**Николай Стариков, Михаил Делягин, Захар Прилепин** и т.д.). В рамках правящей партии «Единая Россия» левая риторика также присутствует на официальном уровне (в частности, у Андрея Исаева и Вячеслава Володина). В самой же радикальной версии левый консерватизм обозначил себя в деятельности «Другой России Э. Лимонова» (бывшая Национал-большевистская партия, запрещённая Московским городским судом РФ).

Теоретическая значимость статьи — в том, что обозначена ограниченность традиционной линейной шкалы «левый-правый» применительно к российскому и, шире, к мировому политическому контексту. На первый план выходит новая ось: «космополиты — патриоты», «глобалисты — антиглобалисты».

Практическая значимость статьи — в том, что, раскрывая механизмы сочетания запроса на социальную справедливость с ценностями традиции и державности, она помогает понять источники легитимности власти и причины устойчивости определённых общественных настроений в России. Рассмотрение левого консерватизма как основы для антиглобалистской и цивилизационной риторики позволяет лучше выявить идеологические основания внешнеполитической позиции России и её конфронтации с неолиберальным, постмодернистским Западом.

Можно обозначить несколько направлений для будущих исследований в контексте изучения левого консерватизма:

1. Углублённый компаративный анализ российского левого консерватизма с родственными явлениями в других странах (например, с левыми тенденциями в Латинской Америке, «консервативной революцией» в США и Европе, определёнными течениями в Китае или Иране) для выявления универсальных механизмов и национальной специфики.

2. Изучение того, как левоконсервативные идеи инкорпорируются в конкретные государственные программы (демографическая, культурная, социальная политика), в учебные курсы и в работу конкретных политических институтов.

3. Прогнозирование эволюции левого консерватизма в условиях новых внутренних и внешних вызовов (технологических, экономических, демографических). Такое прогнозирование необходимо для того, чтобы ответить на вопрос: способен ли данный синтез стать основой для долгосрочной национальной стратегии или он быстро исчерпает свой потенциал?

Таким образом, история изучения левого консерватизма — это зеркало сложных идеологических трансформаций конца XX — начала XXI в. В настоящее время данная идеологическая позиция — это реакция (причём не только в России) на раскол, который создала глобалистская, неолиберальная, постмодернистская «повестка», возобладавшая с конца XX в. [6].

Можно сделать вывод, что левый консерватизм даже в один период времени может иметь разные идейные источники и конечные цели: от прагматичного державного патриотизма до метафизического цивилизационного проекта. Данный феномен жив и продолжает генерировать новые интеллектуальные версии, оставаясь в центре идеологических дискуссий.

Литература

1. Аксаков К.С. Государство и народ. / Составление и комментарии А.В. Белова, предисловие А.Д. Каплина / Отв. ред. О.А. Платонов. - М.: Институт русской цивилизации, 2009. - 608 с.
2. Герцен А.И. **Собрание сочинений в 30 т. - М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. - Т.12. - 612 с.**
3. Долгих Ф.И. Правые в III и IV Государственных Думах России (1907-1917 гг.). Дисс... канд. ист. наук. - М., 2004. - 270 с.
4. Дугин А.Г. Четвёртая политическая теория. - СПб: Амфора, 2009. - 351 с.
5. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. - София: Балканъ, 1921. - 126 с.
6. Ишутин А.А. Постмодернизм vs целостность: социально-политический дискурс // Журнал политических исследований. - 2020. - Т.4. - №.3. - С. 70–79.
7. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. В 2-х тт. – Т.1. 525 с. - Т.2. 685 с. - М.: Алгоритм, 2001. – 1280 с.
8. **Киреевский И.В. Критика и эстетика. - М.: Искусство, 1979. - 439 с.**
9. Кургинян С.Е. Суть времени: Философское обоснование мессианских претензий России в XXI веке. - М.: Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр», 2013. В 2-х тт. – Т.1. 587 с. - Т.2. - 675 с.
10. **Плеханов Г.В. Сочинения. Том II. - М.-Петроград: Госиздат, 1923. – 406 с.**
11. Проханов А.А. Симфония «Пятой империи». - М.: Эксмо, 2007. - 288 с.
12. Русский национализм: Социальный и культурный контекст / Сост. М. Ларюэль. - М.: Новое литературное обозрение, 2008. - 448 с.
13. Савицкий П.Н. Поворот к Востоку // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София: Балканъ, 1921. - 126 с. С.1–3.
14. Смена вех: Сб. статей: Ю.В. Ключникова, Н.В. Устрялова, С.С. Лукьянова и др. - Прага: Политика, 1921. - 183 с.
15. Тарасов А., Черкасов Г., Шавшукова Т. Левые в России: от умеренных до экстремистов. - М.: Институт экспериментальной социологии, 1997. - 264 с.
16. Травин Д.Я. Теории особого пути России: классики и современники. - СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. - 64 с.
17. Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. - С.31–105.

18. Трубецкой Н.С. Мы и другие // Евразийский временник. Кн. 4. - Берлин, 1925. - 448 с. С.66–81.
19. Устрялов Н.В. Национал-большевизм. - М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. - 400 с.
20. Хазин М.Л. Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики. - М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» - «Пальмира», 2020. - 464 с.

References

1. Aksakov K.S. Gosudarstvo i narod. [State and People]. Sostavlenie i kommentarii A.V. Belova, predislovie A.D. Kaplina. Otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russkoj civilizacii Publ., 2009, 608 p. (In Russian).
2. Gercen A.I. Sobranie sochinenij v 30 t. [Collected Works in 30 vols.] M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1957, V. 12, 612 p. (In Russian).
3. Dolgih F.I. Pravye v III i IV Gosudarstvennyh Dumah Rossii (1907-1917 gg.). Diss... kand. ist. nauk. [The Right-Wing in the III and IV State Dumas of Russia (1907-1917). PhD thesis in History] M., 2004, 270 p. (In Russian).
4. Dugin A.G. Chetvyortaya politicheskaya teoriya. [The Fourth Political Theory] SPb: Amfora Publ., 2009, 351 p. (In Russian).
5. Ishod k Vostoku. Predchuvstviya i sversheniya. Utverzhdenie evrazijcev. [Exodus to the East. Premonitions and Accomplishments. The Affirmation of the Eurasians] Sofiya: Balkan Publ., 1921, 126 p. (In Russian).
6. Ishutin A.A. Postmodernizm vs celostnost': social'no-politicheskij diskurs. [Postmodernism vs Integrity: Socio-Political Discourse] Zhurnal politicheskikh issledovanij [Journal of Political Research]. 2020, V. 4, I. 3, pp. 70–79. (In Russian).
7. Kara-Murza S.G. Sovetskaya civilizaciya. V 2-h tt. [Soviet Civilization. In 2 vols.] – V.1. 525 p. - V.2. 685 p. M.: Algoritm Publ., 2001. (In Russian).
8. Kireevskij I.V. Kritika i estetika. [Criticism and Aesthetics] M.: Iskusstvo Publ., 1979, 439 p. (In Russian).
9. Kurginyan S.E. Sut' vremeni: Filosofskoe obosnovanie messianskih pretenzij Rossii v XXI veke. V 2-h tt. [The Essence of Time: Philosophical Justification of Russia's Messianic Claims in the 21st Century. In 2 vols.]. M.: Mezhdunarodnyj obshchestvennyj fond «Eksperimental'nyj tvorcheskij centr» Publ., 2013. V.1. 587 p. - V.2. 675 p. (In Russian).
10. Plekhanov G.V. Sochineniya. Tom II. [Works. Volume II]. M. Petrograd: Gosizdat Publ., 1923, 406 p. (In Russian).
11. Prokhanov A.A. Simfoniya «Pyatoj imperii». [The Symphony of the "Fifth Empire"] M.: Eksmo Publ., 2007, 288 p. (In Russian).
12. Russkij nacionalizm: Social'nyj i kul'turnyj kontekste. Sost. M. Laruehl'. [Russian Nationalism: Social and Cultural Context. Comp. by M. Laruelle]. M. Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008, 448 p. (In Russian).
13. Savickij P.N. Povорот k Vostoku. [The Turn to the East] Ishod k Vostoku. Predchuvstviya i sversheniya. Utverzhdenie evrazijcev. Sofiya: Balkan Publ., 1921, 126 p. (In Russian).
14. Smenaveh: Sb. statej: YU.V. Klyuchnikova, N.V. Ustryalova, S.S. Luk'yanova i dr. [Change of Landmarks: Collection of articles by Y.V. Klyuchnikov, N.V. Ustryalov, S.S. Lukyanov et al.] Praga: Politika Publ., 1921, 183 p. (In Russian).
15. Tarasov A., Cherkasov G., Shavshukova T. Levye v Rossii: ot umerennyh do ehkstremistov. [The Left in Russia: From Moderates to Extremists]. M.: Institut eksperimental'noj sociologii Publ., 1997, 264 p. (In Russian).
16. Travin D.Y. Teorii osobogo puti Rossii: klassiki I sovremenniki. [Theories of Russia's Special Path: Classics and Contemporaries]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2015, 64 p. (In Russian).
17. Trubeckoj N.S. Evropa I chelovechestvo. [Europe and Humanity] Klassika geopolitiki, XX vek: Sb. Sost. K. Korolev. M.: OOO Izdatel'stvo AST Publ., 2003, pp. 31–105. (In Russian).

18. Trubeckoj N.S. My idrugie. [We and Others]. Evrazijskij vremennik. Kn. 4. Berlin, 1925, 448 p. (In Russian).
19. Ustryalov N.V. Nacional-bol'shevizm. [National-Bolshevism]. M. Izdanie knizhnogo magazina «Ciolkovskij» Publ., 2017, 400 p. (In Russian).
20. Hazin M.L. Vospominaniya o budushchem. Idei sovremennoj ekonomiki. [Memories of the Future. Ideas of Modern Economics]. M. Gruppa Kompanij «RIPOL klassik» - «Pal'mira» Publ., 2020, 464 p. (In Russian).